

Ребёнок / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Ребёнок / рассказ РЕБЁНОК

Как-то после обеда заговорили об одном случае детоубийства, недавно происшедшем в местном селе. Баронесса возмущалась: мыслимо ли это! Девушка, обольщенная приказчиком мясной лавки, бросила своего ребенка в реку. Какой ужас! Было даже доказано, что бедное маленькое существо умерло не сразу.

Врач, обедавший в тот вечер у баронессы, спокойно рассказывал об ужасных подробностях этого случая. Он изумлялся мужеству несчастной матери, которая, родив без посторонней помощи, прошла два километра пешком, чтобы убить своего ребенка.

— Она просто железная, эта женщина, — твердил он. — Какая нужна была дикая энергия, чтобы пройти ночью по лесу с кричащим ребенком на руках! Я теряюсь при мысли о таких душевных страданиях. Подумайте о том, как содрогалась от ужаса ее душа, как разрывалось ее сердце! До чего отвратительна и презренна жизнь! Гнусные предрассудки, да, сударыня, гнусные предрассудки, ложные понятия о чести, еще более отталкивающие, чем самое преступление, целая гора лицемерных чувств, показной благопристойности, возмутительной честности — все это толкает бедных девушек на убийство, на детоубийство из-за того лишь, что они покорно повиновались властному закону жизни. Какой позор для человечества, что оно установило подобную мораль и объявило преступлением свободное соединение двух существ!

Баронесса сидела бледная от негодования.

— Так, значит, доктор, вы считаете порок выше добродетели, проститутку выше честной женщины! — возразила она. — Вы ставите на одну доску и женщину, которая предается постыдным инстинктам, и безупречную супругу, выполняющую свой долг с незапятнанной совестью!

Врач был старый человек, и в своей жизни ему случалось прикасаться ко многим ранам. Он встал и сказал, повысив голос:

— Вы говорите, сударыня, о вещах, которых не знаете, ибо вам

незнакомы неодолимые страсти. Позвольте рассказать вам об одном недавнем случае, свидетелем которого мне довелось быть. О, сударыня, будьте всегда снисходительны, добры и милосердны: вы многого не испытали! Горе тем, кому коварная природа дала ненасытные чувства. Люди спокойного нрава, лишенные буйных инстинктов, поневоле остаются честными. Исполнение долга легко для тех, кого никогда не мучат бешеные желания. Я часто вижу, как мешаночки с холодной кровью, го строгими нравами, с ограниченным умом и с сердцем, не способным на сильные переживания, раздражаются криками негодования, узнав о падении какой-нибудь женщины.

О! Вы спокойно спите в мирной постели, где вас не тревожат безумные сны. Окружающие вас люди – такие же, как и вы; они поступают, как вы, охраняемые инстинктивной умеренностью своих чувств. Вам ничего не стоит побороть ваши мнимые увлечения. Только умом вы поддаетесь порою соблазну нездоровых мыслей, но тело ваше не трепещет при одном прикосновении искушающей мечты.

Для тех же, сударыня, кого судьба создала страстными, чувственные влечения неодолимы. Можно ли сдержать ветер, остановить бушующее море? Можно ли обуздать силы природы? Нет. Чувственные влечения – это те же силы природы, непобедимые, как море и ветер. Они охватывают, увлекают человека, бросают его в объятия сладострастия, и он не в силах противиться пламенности своего желания. Безупречные женщины – это женщины без темперамента. Таких много. Я не ставлю им в заслугу их добродетель: им не приходится бороться. Но никогда, слышите ли, никогда никакая Мессалина, никакая Екатерина не будет добродетельна. Она неспособна на это. Она создана для иступленных ласк! Ее органы не похожи на ваши; ее плоть – иная, более трепетная, бурно откликающаяся на малейшее прикосновение чужой плоти, а ее нервы приходят в возбуждение и потрясают, обессиливают ее, в то время как ваши ничего бы не ощутили. Попробуйте кормить ястреба теми круглыми зернышками, которые вы даете попугаю! А ведь ястреб, как и попугай, тоже птица с большим крючковатым клювом. Только инстинкты их различны.

О чувственные влечения! Если бы вы знали, как они могущественны. От этих влечений вы задыхаетесь всю ночь напролет, тело ваше горит, сердце усиленно бьется, ум осаждают пламенные видения! Видите ли, сударыня, люди с непоколебимыми принципами – это просто-напросто люди холодного темперамента, отчаянно, сами того не сознавая, завидующие тем, другим.

Послушайте, что я вам расскажу.

Та особа, которую я назову Еленой, была чувствена. Она была чувственной с младенческих лет. Чувственные влечения пробудились в ней в то же время, как и способность речи. Вы скажете мне, что это болезнь. Но почему? Не вы ли скорее рождены расслабленной? Когда ей минуло двенадцать лет, ко мне обратились за советом. Я установил, что она уже сложившаяся женщина и что ее неотступно преследуют любовные желания. Это чувствовалось при одном взгляде на нее. У нее были сочные, выпуклые, раскрытые, как цветок, губы, полная шея, горячая кожа, широкий нос с раздувающимися, трепещущими ноздрями и большие светлые глаза, взгляд которых возбуждал мужчин.

Кто смог бы уgomонить кровь этого распаленного животного? Она плакала целые ночи беспричинными слезами. Она смертельно томилась по самцу.

В пятнадцать лет ее наконец выдали замуж. Через два года муж ее умер от чахотки. Она истощила его. Второго постигла через полтора года та же участь. Третий продержался четыре года, затем покинул ее, и вовремя.

Оставшись одна, она решила соблюдать воздержание. Она разделяла все ваши предрассудки. Кончилось тем, что она обратилась ко мне: ее встревожили непонятные нервные припадки. Я тотчас увидел, что вдовый образ жизни убьет ее. Я сказал ей об этом. Она была порядочной женщиной, сударыня: несмотря на испытываемые ею муки, она отказалась последовать моему совету и завести любовника.

Местные крестьяне считали ее помешанной. Она выходила по ночам и брела наудачу, стараясь быстрой ходьбой утомить свое бунтующее тело. С ней случались обмороки, за которыми следовали ужасающие судороги. Она жила одна в своей усадьбе, неподалеку от усадьбы ее матери и усадьбы родных. Время от

времени я навешал ее, хотя и не мог понять, как мне бороться и с чем: с упорной ли волей природы или с ее собственной волей.

Однажды вечером, около восьми часов, когда я заканчивал обед, она явилась ко мне. Как только мы остались одни, она сказала:

— Я погибла. Я беременна!

Я подскочил на стуле:

— Как вы сказали?

— Я беременна.

— Вы?

— Да, я.

И без перехода, отрывисто, глядя на меня в упор, она заговорила:

— Я беременна от своего садовника, доктор. Гуляя как-то в парке, я почувствовала, что теряю сознание. Садовник увидел, что я падаю. Он подбежал и поднял меня на руки, чтобы отнести домой. Что я сделала? Не помню. Обняла ли я его, поцеловала ли? Может быть. Вам известны мое несчастье и мой позор. Словом, он овладел мною! Я виновата! На следующий день я вновь отдалась ему, и так было еще не раз. Все было кончено. Я уже не в силах была сопротивляться!..

Рыдание на миг перехватило ей горло. Она продолжала с волнением:

— Я платила ему. Я решила, что это лучше, чем взять, по вашему совету, любовника. Я забеременела от него. О, я исповедуюсь перед вами без утайки и колебаний. Я пробовала вызвать выкидыш. Я принимала обжигающие горячие ванны, ездила верхом на норовистых лошадях, делала гимнастические упражнения на трапеции, пила снадобья, абсент, шафранную настойку и разные другие вещи. Но я потерпела неудачу. Вы знаете моего отца, моих братьев? Я погибла. Моя сестра замужем за порядочным человеком. Мой позор падет и на них. А подумайте только о всех наших друзьях, о всех соседях, о нашем добром имени... Моя мать... Она разрыдалась. Я взял ее за руки и стал расспрашивать. Затем посоветовал ей отправиться надолго в путешествие и разрешиться от бремени где-нибудь подальше.

— Да... да... да... так... так... — отвечала она, видимо, не слушая меня.

Затем она ушла.

Я несколько раз побывал у нее. Она сходила с ума.

Мысль об этом ребенке, растущем в ее утробе, об этом живом позоре, подобно острой стреле, вонзилась ей в душу. Она непрерывно думала об этом и уже не осмеливалась выходить в дневное время, не смела ни с кем видаться, боясь, как бы не обнаружилась ее постыдная тайна. Каждый вечер она раздевалась перед зеркальным шкафом и рассматривала свой все увеличивающийся живот; потом бросалась на пол, заткнув салфеткой рот, чтобы заглушить свои крики. Раз двадцать в ночь она вставала, зажигала свечу и снова направлялась к тому же широкому зеркалу и снова видела в нем отражение обнаженного тела с выступающим животом. И, теряя голову, она била себя кулаками в живот, чтобы уничтожить это существо, которое губило ее. Между ними шла ужасающая борьба. Но ребенок не умирал; он постоянно ворочался, как бы защищаясь. Она каталась по паркету, стараясь раздавить его об пол, она пробовала спать, положив на живот тяжесть, чтобы задушить его. Она ненавидела его, как ненавидят лютого врага, угрожающего вашей жизни.

После этой бесполезной борьбы, после этих бесплодных усилий освободиться от ребенка, она, не помня себя, убегала в поля, обезумев от горя и ужаса.

Однажды утром ее нашли у ручья: ноги ее были опущены в воду, глаза блуждали; решили, что это припадок безумия, но ничего не заметили.

Неотступная мысль овладела ею: удалить из своего тела этого проклятого ребенка.

Как-то вечером мать, смеясь, сказала ей:

— Как ты толстеешь, Елена, будь ты замужем, я подумала бы, что ты беременна.

Эти слова, должно быть, произвели на нее впечатление смертельного удара. Она почти тотчас же ушла от матери и вернулась домой.

Что она сделала? Вероятно, еще раз долго рассматривала свой вздутый живот, вероятно, опять била его до синяков и колотилась об углы мебели, как делала это каждый вечер.

Затем она босиком спустилась на кухню, открыла шкаф и достала большой кухонный нож, которым резала мясо. Потом вернулась к себе наверх, зажгла четыре свечи и села на плетеный стул перед зеркалом.

И тут, вне себя от ненависти к этому неведомому и грозному зародышу, желая, наконец, вырвать и убить его, желая добраться до него, задушить его и отшвырнуть прочь, она нажала то место, где шевелилось это полусущество, и одним взмахом отточенного лезвия вскрыла себе живот.

О, несомненно, операция была произведена быстро и удачно. Ей удалось схватить его, этого недосягаемого для нее врага. Она схватила ребенка за ногу, вырвала его из себя и хотела было кинуть в пепел очага. Но младенца держали связки, которых она не смогла разрезать, и, прежде чем она успела понять, что ей оставалось делать, чтобы отделить его от себя, она упала бездыханной, заливая его своей кровью.

Так ли уж была она виновна, сударыня?

Доктор замолчал и ждал ответа.

Баронесса не сказала ни слова.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 18 сентября 1883 года.

Екатерина. — Имеется в виду Екатерина II.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.

Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод М.П. Столярова. Neкаýalar